

Леонид Парфенов

Выступление на Круглом столе

«30 лет гласности: К чему пришли сегодня?»

17 марта 2015 г.

Гласность началась с того дня, когда Михаил Горбачев впервые пообщался с народом — известнейший эпизод в 40-летний юбилей Победы. Горбачев тогда говорил с трудящимися, стоящими прямо на тротуаре. До этого никогда генеральный секретарь не ходил и не разговаривал с людьми на улицах. Люди молчали, он им рассказывал, что будут какие-то перемены, в том числе насчет пьянки и борьбы с нею. Люди молчали. И тогда он, лучезарно улыбаясь, напоследок спросил: «Что вы мне напоследок пожелаете?» Какая-то тетенька произнесла дежурную советскую фразу: «Да будьте только к народу поближе». Он раскинул руки, расхохотавшись: «Да уж куда ближе-то?» И на этом все рухнуло. Стало ясно, что это изменило все.

Дальше он почти каждый день находился в каком-то новом городе, говорил острее, чем западные средства массовой информации. Жванецкий жаловался, что он остался без работы, потому что какой смысл, когда первое лицо государства говорит острее любого сатирика? Для чего выходить и выступать? Ты все равно оказываешься вторым в лыжне. Но мне кажется, что очень важно понимать, откуда это произошло и почему это было мгновенно легитимизировано сильнейшей поддержкой снизу.

Черненко был, конечно, перебором даже по советским временам. Было понимание, очень острое, того, что гиря дошла до пола, что этот «проект» неизлечимо болен и что-то с этим делать надо. Была общая неудовлетворенность от того, что в городе Вологде закрыли магазин «Вологодское масло», а Маше мы не можем купить сапожки к осени вот уже пятый сезон. А кому-то — например, Марку Захарову — от того, что у него закрыли спектакль. А кого-то по еврейской линии не выпустили за границу. Все это было очень разным, но было всеобщим.

Было ощущение того, что с этим нужно что-то делать. Это принципиальный вопрос. Это было время непростых ответов на накопившиеся проклятые вопросы. От того, что люди не говорили,

не обсуждали, не имели возможности про это говорить, притом что эта гласность прекрасно соседствовала с совершенно закрытыми темами. Я помню, что до 1988 года нельзя было говорить и писать про очереди за водкой. Потому что мы боремся с пьянством и алкоголизмом, как же это тогда — очереди за водкой?

Это принципиально другая ситуация, чем сейчас. Я вообще все время поражаюсь. Во всех профессиональных разговорах мы все время говорим о каких-то внутрицеховых проблемах. Я глубоко убежден, что журналистика зависит не от журналистов, а от аудитории. Если есть запрос на проклятый вопрос, извините за тавтологию, тогда будет журналистика. А если нет — не возникнет она ниоткуда. Давно журналистика наша проблемная пишет для самих журналистов. Вот сейчас коллега как раз сетовала, что, мол, да, сейчас, конечно, у радио «Свобода» не миллионы. Тогда по самым очевидно заниженным аналитическим запискам Комитета госбезопасности, впоследствии рассекреченным, ежевечерняя аудитория русской службы «Би-Би-Си» и «Голоса Америки» — каждая из них — оценивалась в 30 миллионов человек! В определенных поколениях советских людей, во всяком случае мужского пола, нет человека, который бы не слышал и не знает, как звучит «Сева Новгородцев, город Лондон, «Би-Би-Си». Но за последние 15 лет, если не 20, боюсь, что никто не знает, кто такой Сева Новгородцев. Хотя за это время он даже стал еще и рыцарем Британской Империи. Из новых поколений потенциальных слушателей этого виртуоза микрофона не знает никто. Вопрос самый главный в этом.

До тех пор, пока не будет ситуации, при которой обществу требуется перестройка, и не возникнет потребность в гласности. В нынешних условиях — «Гуляй, Россия, плачь, Европа, а у меня самая красивая опа» — откуда? Это же так удобно. Не вставая с тахты, переключать федеральные телеканалы; попивая пивасик, думать о величии нашей страны и загнивании Запада. Это обычная русская привычка простого ответа на сложные вопросы. Когда окажется, что однопартийность приводит к одноколбасности — тогда, очевидно, опять возникнет необходимость в гласности. Я имею в виду десятки миллионов, которые должны в 140-миллионной стране составлять аудиторию.

Я много раз приводил эту статистику, никто на это не обращает внимания. У нас бумажные тиражи — в разы ниже, чем в Великобритании. Таких, как «Коммерсантъ», не будем сейчас говорить, что он «не тот», как

это принято выражаться, но таких буржуазных газет, которые пишут от балета имени Кузнецовой до политики имени Колесникова, до биржевых сводок — таких в Британии четыре, причем Daily Telegraph в бумаге имеет тираж под полмиллиона. А у нас «Коммерсантъ» колеблется в районе так называемых верхних 100 тысяч, а «Ведомости», которые наши Financial Times, 60- или 70-тысячноготиража показывают. О чем говорить? У нас абсолютные тиражи ниже польских.

Главная эстонская газета, название которой, кажется, переводится как «Почтальон», она тоже со статическим тиражом. Потому что есть общество, которому нужно все время сверять свой пульс с главной газетой страны. Мол, у меня такие ощущения, я должен это почитать. Вот оно — mass media. Вот она — социальная функция, которая позволяет человеку чувствовать, что он не одинок. Что есть общество, что он гражданин и он как-то кого-то выбирает, мучается, ставит вопросы, решает, куда идет страна, негодует на власть и так далее. Без этого не может быть журналистики. Если нет запроса.

Я еще немножко ресторатор и знаю, что нельзя носить анчоусы, если в зале просят помидоры с огурцом и «побольше сметанки, молодой человек, побольше сметанки». Я не понимаю, о чем тут могут быть разговоры — о большем или меньшем качестве.

Советская пропаганда была все-таки гораздо тотальней, чем пропаганда федеральных телеканалов. Но демонстрация к этому времени того же Константина Устиновича Черненко, голосующего на избирательном участке, уже давно работала в «обратку». Сейчас количество показов на национальных телеканалах зашкаливает, но ведь к обратной реакции совершенно не приводит. Ну где-то там со второй половины Брежнева стало совершенно очевидно, что чем тотальнее пропаганда, чем большее присутствие отцов нации в программе «Время», тем хуже это для отцов нации. Вот и все. Будет такая пицца, если такое «хавают». Если на такой мякине можно проводить воробьев.... Я как-то спрашивал коллег, спустя сколько времени мы будем говорить, что была в этом определенная политическая культура... Но в целом, конечно, «прямые линии» — это несколько северокорейско смотрелось. Кто-то считает, что 10 лет должно пройти, кто-то — 15. Никто же не думает, что это навечно.

Десять лет назад — при предыдущем кризисе имени Януковича на Украине — Путин приезжал в Киев, и все три украинских

общенациональных канала сидели точно так же и задавали ему вопросы, как вот у нас на «прямой линии». И он недвусмысленно поддерживал преемничество в Украине. Сейчас же никому не пришло это в голову — в 2014 году, просто потому, что такое не проканает. В лучшем случае — рассмеются. За эти 10 лет не бог весть какого украинского политического прогресса все-таки немножко политическая культура сдвинулась. Я уж не говорю о том, что в принципе эта «прямая линия» возможна разве что в Белоруссии. Попробуйте это втюхать поляку или чеху.

И никто там не обсуждает, что за время, прошедшее после примерно тогда же наступившей перестройки и гласности, что-то случилось с журналистикой. В голову никому не приходит. С них это как короста отвалилось, а у нас это великое прошлое. И горе Горбачеву, который развалил нашу прекрасную державу, которую все боялись, а поэтому уважали.

Вот мои соображения. Честное слово, я не понимаю смысла разговоров о журналистике в условиях, когда она никому не нужна. Лично у нас есть какая-то проблема, что есть люди, которым еще что-то нужно делать по жизни, но пока этого не захочет общество — это «туса» между собой. Сами написали, сами почитали. Это самообслуживание населения на дому.